

Узеир Гаджибеков

И ТРАДИЦИИ

АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ МУЗЫКИ

родной азербайджанской музыки в его работе над оперой «Кер-оглы».

УЗЕИР ГАДЖИБЕКОВ — первый профессиональный композитор Азербайджана, значительная одна из самых сильных национальных советских композиторских школ. В этом его непреходящее историческое значение.

Время вступления Гаджибекова в музыкально-общественную жизнь своей страны — это период между двумя пролетарскими революциями — 1905 и 1917 годов, когда разбуженный великими событиями и идеями, потрясенными самодержавною Россией, азербайджанский народ поднимался навстречу прогрессу и культурному просвещению.

Уже с конца XIX века уверенно проилластрировала себе место в общественной жизни азербайджанская музыка. В Шуше, Гяндже, Кубе и особенно в нефтяном Баку выходят за рамки «домашнего музицирования», становятся постоянным явлением так называемые «восточные концерты» на «благоприятных вечерах», в антрактах драматических спектаклей, в помещениях различного рода клубов и обществ. «Восточные концерты» организуются прогрессивной интеллигенцией в Петербурге, Москве, Киеве, Тифлисе и других городах. Эти концерты делают все более популярными прекрасное искусство ханенде Джаббара Карягды, Шехли Алескера, Кеначи Мамадова, виртуозов - ашугов, маэстро Курбана Примова и других самородков-инструменталистов. Выступления выдающихся народных мастеров записываются известнейшими граммафонными фирмами...

Но интерес, который вызывал к себе азербайджанская народная музыка, различен. Для одних — это эмоционально-художественные впечатления, вошедшие в жизнь с колыбели. Для других — эзотика малопривычного, колоритная этнография. И лишь немногие делают попытку развить богатейшие возможности азербайджанского музыкального фольклора в русле мирового искусства. Классический опыт Глинки, ис-

пользовавшего народную песню Азербайджана «Галанын димбинд» в «Персидском хоре» из «Руслана и Людмилы», находит отклик у Балакирева, Бородина, Римского-Корсакова, Мусоргского, Глазунова, Рахманинова, творчески использовавших восточные интонации, обороты, ритмы, нередко переключаясь с азербайджанским фольклором. На рубеже XIX и XX веков эта прекрасная традиция русской классики отразилась в «Кавказских эскизах» русского композитора Ипполитова-Иванова, в опере «Алмаз» классика армянской музыки Спендиарова, где звучат азербайджанский «Раст» и мелодия «Эйдари», в обработках армянского композитора и пианиста Тигранова...

И все же самое любовное отношение этих и других композиторов к азербайджанскому фольклору еще не ставило своей целью создание азербайджанской профессиональной музыки. Именно эта цель встала перед Узеиром Гаджибековым, молодым учителем и литературным деятелем, духовным и идейным соратником М. Ф. Ахундова, Н. Нариманова, Н. Б. Везирова и других замечательных дореволюционных деятелей азербайджанской культуры.

И пусть Узеир Гаджибеков, для которого с детства народная песня, мугам, ашугский наигрыш — родная стихия, пусть не обладал он еще большой композиторской техникой. Сенсационный успех «Лейли и Меджнун», оперы-мугама, слава о которой облетела очень скоро все Закавказье, определялся не только пленительной поэтичностью сюжета, но только тем, что в ней зазвучали еще раз народные мелодии, но в первую очередь тем, что они предстали перед широким кругом слушателей в новых, театрализованных формах. Тем, что их воздействие было усилено, пусть очень осторожным, введением приемов гармонизации и, наряду с инструментами народной практики, инструментов симфонического оркестра, в том что целый ряд эпизодов оперы был сочинен самим композитором в духе народной музыки. То было молниеносным завоеванием первой «высоты» на пути перевода азербайджанской музыки на рельсы профессионализма.

Да, Узеир Гаджибеков, осмелившийся еще в начале века на беспрецедентную в истории культуры народов Востока «попытку создать нечто, вроде оперы», переведший на язык музыки поэму великого Физули, «повесть о бедных влюбленных» Лейли и Меджнун, со всем правом должен быть назван основоположником азербайджанской оперы. Но только ли оперы?

Как далеко ушла современная азербайджанская музыка от венки музифицировавшейся системы одноголосия! Сколько новых жанров вошло в нее, сколько новых форм музицирования и приемов выразительности! Каким числом новых инструментов обогатилась она в сравнении с теми, что знала народная практика! И разве не пионером этого был первый азербайджанский композитор, собственным творчеством и напряженной, не знавшей усталости деятельностью музыканта-общественника — непосредственным ли участием в создании консерватории, организацией ли первого в республике многоголос-

ного хора, докладами ли о назревшей задаче реконструкции или участием в острой дискуссии о дальнейших путях азербайджанской оперы — борющийся за то, чтобы родное ему искусство стало на уровень мировой музыкальной культуры!

Да, Узеир Гаджибеков был выдающимся педагогом. Сколько известных теперь далеко от берегов Каспия композиторов республики прошло через его «класс основ азербайджанской народной музыки» и вправе гордиться званием ученика Гаджибекова: Сейд Рустамов и Низами, Кара Караев и Фикрет Амиров, Джавед Гаджиев и Султан Гаджибеков, Тофик Кулиев и Джангир Джангиров, Ашраф Аббасов и Агабади Рзаева, Сулейман Алескеров и Шафига Ахундова — не ошибившись, назвав любого из предшественников «старшего» поколения. Но влияние Гаджибекова простиралось неизмеримо дальше классной работы. Он не просто учил ладовым основам азербайджанской музыки, но только передавал неистощимую любовь свою к родному фольклору. В лице Гаджибекова педагог был неотделим от ученого.

Далеко вперед смотрел этот замечательный музыкант, положивший многие годы жизни на то, чтобы изучить и теоретически обосновать ряд вопросов, касающихся народного музыкального творчества, почти все из которых были «чистой странницей» в истории музыки.

Статья за статьей появлялись в печати за подписью Узеира Гаджибекова в 20—30-е годы, его научные доклады в стенах выпестованного им «Тюркского техникума» и консерватории. Каждая новая из работ — дальнейший шаг в освещении особенностей тех или иных элементов народной музыкальной речи, в выявлении ладовой природы, закономерностей формы и развития, собственных народной музыки Азербайджана. В каждой — стремление выяснить ее своеобразие, место, занимаемое в музыкальной

культуре восточных стран. Но постановка проблемы самобытности всюду неотделима от проблемы общности с музыкой других народов, от выявления того, что разрушает искусственно возводимые границы «обособленной» национальной культуры, границы ее дальнейшего развития и распространения. И здесь выступает Узеир Гаджибеков в качестве борца против того, что на руку националистам всех мастей и сформулировано еще Р. Киплингом: «О, Запад — есть Запад, Восток — есть Восток, и с места они не сойдут, пока не предстанут Небо с Землей на страшный Господний суд»...

Крупнейшее достижение научной мысли Гаджибекова — его исследование «Основы азербайджанской народной музыки» — сейчас настоящая книга каждого музыканта Азербайджана. Труд этот обладает всеми достоинствами учебника. Он помогает школьникам постигнуть логику развития мугамов, этих высочайших образцов музыкального мышления народов Востока. Студентам он дает навыки сочинения музыки в тех или иных азербайджанских ладах. Но труд Гаджибекова не стал катехизисом, сводом застывших музыкальных нанонов. Изучение «Основ азербайджанской народной музыки» дает новую и новую пищу для продолжения и углубления искания Гаджибекова, потому что в труде его бьется живая творческая мысль. И он стал верным помощником в творчестве композиторов все новых и новых поколений лишь потому, что сам автор великолепно понимал, что «строгие законы и правила, лежащие в основе музыкального искусства азербайджанского народа», не только не сдерживают творческие замыслы, а наоборот, как крепкий фундамент, придает композитору «больше смелости, широко освещая бесконечный простор свободной творческой фантазии». Так и оценил Узеир Гаджибеков роль, какую сыграли «строгие законы и правила» на-

17 DEK 1965

Вечерний выпуск
С. Бату

БАКУ